

Глава XLIII

Старый друг открывается и старая пословица оправдывается

Узнав с огорчением и с сильным чувством отвращения о приеме, полученном Пеккрафтом от Джаспера, Эдвин Друд решает тут же не скрываться долее и появиться снова смело и открыто перед лицом целого света, оставив Джона Джаспера на произвол Судьбы и Дэтчери. Так как Регент, несмотря на старания Питера Пеккрафта, отказался послушаться предостереженья его, то Эдвин решил избегать лишь одного в будущем – встречи с дядей, так как подобная встреча могла привести их обоих к страшному результату; кто знает, не к обоюдному ли кровопролитию? Будь Джаспер ему чужим человеком, то Эдвин не стал бы колебаться ни одной минуты даже в видах подобного опасного для себя результата; но все лучшие чувства молодого человека громко протестовали против возможной случайности пролить хоть одну каплю крови того, кто был сыном отца его матери, до какой бы низости преступления ни дошел этот человек.

Хотя Эдвин до самой этой минуты не позволял себе сознаться в том, что его нетерпение снова показаться живым Эдвином происходило от некоторого желанья убедиться собственными глазами, насколько капризное детское личико изменило выражение свое касательно его, но, тем не менее, истина подобного факта громко заявляла о себе в молчаливых беседах с собственной совестью; он узнал еще накануне от Седовласого, – в то самое время как, оставив неприступные вершины места заключения своего в Стэпл-Инне, он вылезал из допотопного омнибуса в Клоистергэме, – что мать Мистера Криспаркля воротилась из поездки своей на воды и что с тех пор ставни в доме открылись, а Дэтчери заметил, выходя от Минора-Канона, два любопытных темных глаза, выглядывающих на него из-за полуопущенной занавеси. Кошечка, стало быть, была в Клоистергэме, и он должен тотчас же убедиться, на какой точке замерзания остановилась ее привязанность к нему. Будь он предоставлен самому себе, то давно бы уж явился, отказавшись от первоначального плана. Но вдруг явился между им и светом неизвестный холостяк, честно и открыто заявляя перед ним свои права на помощь его – смертельно оскорбленного врагом своим – ему, так же и более смертельно оскорбленного тем же врагом. Чувство тайного, фран[к]масонского¹ как бы долга, присущего человечеству совокупно в отношении человечества в раздроблении, сказалось в Эдвине, и вот прошел долгий год ожидания, нетерпенья и душевных мук. Как понадобился для маленькой, балованной и всеми любимой пансионерки удар, нагрянувший так неожиданно на того, к которому чувство привязанности казалось столь холодно и неудовлетворительно в ней, что она решила расстаться с ним в минуту брака, – для того чтобы разбудить в ее детском сердце голос любви и более женственного сознания о собственных чувствах, – так понадобился и для него самого удар коварной руки того, кого считал он более чем братом для себя, чтобы заставить его заглянуть серьезнее в глубину собственной души. Год одиночества и размышления принес свою пользу; мало-помалу исчезли в нём все шероховатости отроческого характера, незнакомого дотол с невзгодами жизни, и теперь, ровно год после того, как Роза простилась у калитки «Дома Монахинь» с юным женихом, мало менее юным и ребяческим, нежели сама она, на его месте являлся молодой человек с серьезным взглядом на жизнь и с глубоким знанием своего собственного характера.

Нетерпеливо ожидая той минуты, когда ему удастся сызнова нырнуть в² улиточную раковину своей обыденной жизни и войти в тихую однообразную колею, разделяющую дни его между обществом Мисс Кип и лавкою древностей, измученный всеми этими неожиданными и непривычными для него сценами, Пеккрафт удостоверяет, что обязанность его в отношении Эдина Друда кончена, – поспешно готовится в обратный путь и доверяется с меньшей долей опасений в уме, чем за день до того, вознице Омнибуса-Мамонта, нашему старому приятелю Джо. Хотя последний является в этот праздничный день с видимой прибавкой на распухшем глазе в виде неприятно поражающей взгляд шишки и с несколько раздавленным носом, заставляющим близорукого путешественника подозревать при первом взгляде, что почтенный возница завяз носом в мягком плём-пуддинге³ и не имел время обтереть физиономию, –

¹ Фр. Franc-maçonnerie.

² Далее зачеркнуто: *свою*.

³ Плам-пуддинг (*англ.* plum pudding) – традиционный рождественский десерт в Великобритании.

но, невзирая на всё это, Мистер Питер Пеккрафт храбро влезает в *кунд* и гордо осматривается кругом на хлопчущих вокруг лошадей конюхов (физиономии которых все более или менее представляют сходство с физиономией Джо в этот день), как бы желая прочесть на их подбитых физиономиях, насколько они удивляются его Пеккрафтской храбрости. Горячо простившись с Эдвином всё еще в виде кривого родственника Дэтчери, Джо Слджерса, Мистер Питер Пеккрафт успевает преодолеть в себе внутренний, смутно развивающийся снова страх и храбро пускается в обратный путь, уподобляя себя в душевной беседе с самыми отважными знаменитыми путешественниками как на суше, так и на океане.

Вернувшись не в гостиницу «Крозгёр», но к Дому у Калитки, Эдвин входит к Дэтчери, вглядываясь с невольным замираньем сердца на окна квартиры Джаспера, как будто опасаясь увидеть в них нечто ожидаемое, но всё же ужасное. Но всё тихо, и по дороге он встречает одну лишь разряженную Мистрисс Топ, которая, стоя на пороге под вековыми арками свода, хвастает своим новым желтым одеяньем и красными бантами перед невидимыми призраками давно усопших монахов, если только этим отошедшим джентльменам выгодно прогуливаться среди белого дня.

«Дэтчери, – говорит Эдвин, растворяя дверь, – я решился... идти открыто к Минор-Канону. Не пойдёте ли вы со мной?»

Седовласый бледен и не отвечает в продолжение нескольких минут.

«Сказать вам по правде, я не думаю, чтобы был способен сегодня к дамскому обществу. Вы знаете, у меня есть дело... хотя я и не решился еще, когда окончить мне его», – продолжает он с легкой заминкой и делаясь осторожнее.

Эдвин делает легкое движение, но не произносит никакого замечанья.

«Дэтчери, – говорит он наконец, – дело это не уйдет от вас; прошу вас, пойдёмте со мною; если вы не желаете идти к Минор-Канону, то пойдём[те] хоть вместе до “Крозгёр”, где я желаю снять это», – дотрагиваясь с чувством отвращения до старомодного пальто.

«Напрасно, Эдвин, вы принимаете меня за дитя! – отвечает холостяк с грустной улыбкой, расхаживая большими шагами по комнате и брянда чем-то металлическим в широких карманах. – Вы свободны идти теперь куда угодно, но я не свободен отдаляться от предпринятого мною дела».

Он быстро повёртывается на каблуках, как бы внезапно пораженный мыслью, и, сделав шаг к Эдвину, поспешно спрашивает с зловещим блеском в глазах:

«Эдвин, поклянитесь мне честным словом, что Пеккрафт не предупредил этого негодяя?»

Горячая кровь приливает к щекам Эдвина, но он молчит, нервно барабанив по столу.

«Эдвин Друд, – медленно произносит Дэтчери, глядя на него, – если бы я думал, что вы были способны оградить осужденного мною злодея в глазах Неба и собственной совести моей и помочь ему спастись бегством, я проклял бы вас навеки, и вы никогда не увидели бы меня до той минуты, пока я не омыл бы бесчестия сестры моей в его низкой крови! Но помните, вы не спасёте его от меня нигде, поэтому, прошу вас, поклянитесь мне, что вы не предупреждали его и не просили Пеккрафта предупредить».

Обрадованный подобный лазейкой, открытой для чести его, Эдвин отвечает торжественно:

«Клянусь вам честью своей, что я не предупреждал, как и не просил Пеккрафта предупредить. Я не поручал для него ничего такого, кроме просьбы оставить навсегда эти места, чтобы никогда не встречаться с ним».

Если бы Дэтчери был не так погружен в настоящую минуту в собственные соображения, то, вероятно, не остановился бы на этом единственном сведении и доискался бы истины в подобном юридическом базисе присяги.

Но Дэтчери удовольствовался этим завереньем и рассеянно стал глядеть в окно на развевающиеся красные банты Мистрисс Топ, которые порхали в морозном воздухе, как флаги пикадоров на воображаемом бое с быками.

«Выслушайте меня, мой дорогой друг, – говорит Эдвин после минутного молчания, действуя под влиянием постоянной упрямой цели. – Неужели собственные угрызения совести этого человека, целая долгая жизнь под бременем тяжелого позора (потому что я решился не скрывать более его преступного намерения и опозорить нравственно, если прощаю ему легально), неужели всё это не худшее для него наказание, чем минутная, разом поражающая его смерть? Одна жизнь по закону требует жертвы другой жизни – вам это известно, как и всякому другому. Неужели же

стоит его низкая, трусливая жизнь, столь переполненная жалкими попытками на преступления, ложью и хитростью, вашей благородной, честной жизни? Преступление, за которое вы желаете мстить ему, этот презренный трус даже не посмел совершить под собственным именем... Поверьте мне, обдумайте хорошенько и взвесьте, прежде чем решитесь запятнать свои честные руки такой жалкой кровью. Тысячи таких, как его жизнь, жизнью не стоят одного лишнего дня вашей!»

«Для человека, посвятившего столько долгих месяцев и поклявшегося посвятить даже всю остальную жизнь свою, если то потребуется, на справедливое удовлетворение – не мщенья, нет, но естественного возмездия, – странно слышать от вас подобные слова. Неужто вы так мало знаете меня, что можете предполагать, что теперь, когда я так близок к цели жизни моей, я откажусь от неё? Быть может, с вашей стороны и естественно стараться спасти его... Но, повторяю вам, если бы Джон Джаспер был собственным вашим отцом и если бы, несмотря на всю дружбу нашу, мне следовало бы перешагнуть через ваше тело для того, чтобы добраться до него, то я и тогда не поколебался бы! Для подобного отречения [от] прав моих мне необходимо было бы сперва забыть об неизвестной мне нищенской... общей могиле, заброшенной среди далекого кладбища, в которой спит несчастная, убитая сестра моя... и не слышать более день и ночь, как слышу я, голос её, призывающий мщение на голову ее низкого убийцы!»

«Вы оскорбляете меня, мой бедный друг, – отвечает Эдвин с легким выражением горечи в голосе, – приписывая моим увещаниям одно желание спасти того, к кому я чувствую лишь одно презрение. Поймите меня, Ричард Дэтчери, я молю вас, желая спасти *вашу* жизнь, а не его!»

«Вы правы, Эдвин, и я чувствую, что вы говорите мне одну лишь правду. Но теперь поздно! Во мне слишком сильно вкоренилось то убеждение, что откажись я теперь от мщения своего, я сделался бы в собственных глазах своих участником бесчестия сестры. Довольно об этом. Я сказал вчера и повторяю сегодня: *если сам Творец не пошлёт только видимой к тому преграды*, Джон Джаспер погибнет от одной руки моей!»

Дэтчери произносит эти слова спокойно, гораздо спокойнее, чем произнес бы их, когда бы мог видеть то, чего не видел, а именно, что квартира Джаспера пуста и что сам Джаспер час тому назад прокрался из нее с видимым намереньем избегнуть мщения человека, забывая о мщении Всевышнего, которого он не предчувствовал, но которое было так близко.

Решась наконец исполнить желанье Эдвина, который боялся выпустить его из виду, они выходят вместе, с тем чтобы идти в «Крозгёр». Привлечённые, как и другие, необычайным зрелищем Мистера Фопперти, тащащего за собою Джаспера в виде упрямого барана, они останавливаются против дома Бробите и, увидя обоих входящих к Дяде Солю, не предчувствуя того, что будет дальше, идут к «Крозгёру».

«Что случилось, Фопперти?» – спрашивает Дэтчери выходящего гиганта.

Гигант, наполняя вокруг себя воздух парами от вспотевшей собственной личности и поиграв глазами в прятки, отвечает:

«Ничего особенного. Бетси хотела видать *того*. Я побожился угодить больному дитяти, вот и захватил молодчика. Всё, как и следует».

Если бы Фопперти успел прибавить, что он захватил молодчика удирающим, то, быть может, Дэтчери и приостановился бы. Но Фопперти не прибавил подобного сведения и отправился к родительнице.

Постояв достаточно на пороге Дома у Калитки и решив, что банты ее выиграют еще более в красе, если она прогуляет их до кладбища, предоставив им, быть может, еще лишнюю выгоду в виде завистливого взгляда на них кухарки Минор-Канонской обители, почтенная супруга Пономаря отправляется тихими шагами к старому Углу, делая вид, что сосредоточивает всё свое вниманье на расстилающейся перед ней перспективе, но не пропуская ни одной особы, чтобы не обозреть ее туалет (если особа женского рода) одним беглым боковым взглядом. Так доходит она до поворота к дому Мистера Криспаркля и, обернувшись, сталкивается с седовласым постояльцем своим, не обращая внимания на его спутника (так как он мужского рода) и, извиняясь, собирается идти далее, но внезапно остановлена странным приветствием:

«Моя драгоценная Мистрисс Топ! Как поживаете? Да как же вы похорошели!»

Смертельная дрожь овладевает Мистрисс Топ при звуке этого голоса, который заставляет её поднять голову с внезапным пронзительным криком. Красные ленты дрожат и трепещут на голове ее, как захваченная сетью стая снегирей; отворив рот, она прирастает к земле и не находит даже

силы бежать. Смутные перепутанные идеи о том, что старое кладбище, на решетку которого она беспомощно опирается в эту минуту, выпустило постоянных жильцов своих, заставляет волосы ее приподнять дыбом чепец... Еще одна секунда и, вырвав свою руку из холодного, ледящего её пожатия руки стоящего перед ней привидения, Мистрисс Топ бросается бежать, оглашая весь переулочек криками ужаса и преследуемая, как ей кажется, целым хором хохочущих бесов; так бежит она, пробуждая эхо в древнем Минор-Канонском Углу, которое повторяет десятками замирающих голосов имя Эдвина Друда.

В старинной комфортабельной гостиной, где всё на своем месте и, однако же, всё так и приглашает каждого входящего усесться и не вставать более до преестественного окончания земной жизни своей, до такой степени каждый угол дышит спокойствием, а вылощенные почерневшие от времени карнизы как бы блестят от радости, приветствуя всех и каждого и приглашая полюбоваться собой, сидят возле старинного камина с каменными, баснословно толстыми херувимами по краям три знакомые нам лэди. Веселый огонь трещит в огромной нише своей, румяня щеки и носы херувимов, которые будто нарочно высовываются из-за углов, чтобы погреть свои окаменевшие туловища. В гостиной опущены тяжелые оконные занавесы, поэтому в настоящую минуту в ней царствует полумрак и всё тихо и спокойно. На среднем⁴ большом кресле сидит Мистрисс Криспаркль и, несмотря на темноту, усердно занята вязаньем. Это один из невинных коньков старой лэди, что она может заниматься какой угодно знакомой ей работой так же легко в темноте, как и при сиянии дня. В настоящую минуту движение вязальных игл, видимо, следует движеньям ее мыслей, так как оно то прерывисто, то быстро, то медленно и спокойно. Глаза ее задумчиво устремлены на огонь и отрываются от ярко горящих углей лишь для того, чтоб перенестись на грустно сидящую в стороне от огня стройную, одетую в глубокий траур девушку; в подобные минуты созерцания, не замечаемого Еленой, иглы мелькают в хорошеньких белых руках с удвоенной быстротой, а длинное шерстяное вязанье извивается в конвульсивных подёргиваньях, пестрея при огненном отсвете камина, словно хвост Тропического Змея, точно как если бы хорошенькая Фарфоровая Пастушка мгновенно превратилась в Индийского Чаровника.

Возле Елены, прижавшись к углу кресла, где они помещаются вдвоём, полулежит Роза и печально смотрит на грустную подругу. По всем вероятностям, их разговор только что прекратился и не был из самых веселых, должно полагать, так как глаза смуглой красавицы заплаканы.

«Дитя мое, – вдруг прерывает молчанье старая лэди, отбросив от себя брезгливо Тропического Змея. – Вы неблагоприятны! И если будете продолжать таким образом, то или сами заболите, или же заставите заболеть от разбитого сердца кого-нибудь из ваших друзей!»

Глаза старой лэди устремляются на Розу при последних словах, но другой образ является ее воображению, говоря о друзьях.

«Что же мне делать! – восклицает Елена, в то время как слезы ее усиливаются. – Я не могу свыкнуться с мыслью, что он далёко лежит от меня... Если его невозможно будет скоро перенести сюда, то мне необходимо будет ехать в Лондон!»

«И забыть всех живых, которые станут мучиться о вас, для мертвого, которому не принесете этим ни малейшей пользы», – резко отвечает старушка.

«И однако же я уверена в том, что если он может видеть нас, то для него должно быть очень грустно чувствовать себя так покинутым всеми!»

«Пустяки, моя милая, – отвечает положительная Мистрисс Криспаркль, не допуская сентиментальных воз[з]рений на вещи. – Я похоронила мужа и шестерых детей, горевала не меньше вашего и, однако же, ни на минуту мне не приходило в голову, оставляя их могилы за собою, чтобы тела их тосковали за мной. Извините меня, – продолжает она, таща снова за хвост отброшенного Змея, – но это языческие понятия!»

Сдержанные рыдания отвечают старой лэди; она нервно принимается за вязанье, но через минуту, не выдержав и забывая всю свою непреклонную логику, встает и, нежно поцеловав неутешную девушку, снова принимается уговаривать её.

«Не плачьте так, бедное дитя мое... потерпите, – говорит она. – Септ уверял меня еще вчера только, что через несколько дней перевезут сюда вашего брата; Дёрдльс приходил к нему сегодня поутру по этому делу... Потерпите только».

---

⁴ среднем (*устар.*).

Маленькая Роза, которая до той поры молчала, задумчиво приложив пальчик ко рту, обращается к Елене в свою очередь, стараясь переменить разговор, обратив ее внимание на другой предмет.

«Утрите слёзы, дорогая Елена, – говорит она, вскочив с кресла и обнимая её. – Мистер Криспаркль говорил, что с каждой минутой ожидает появления Эдди; а если он увидит вас заплаканной, то и не влюбится в вас, как я желала бы...»

И она продолжает рассматривать свою великолепную подругу с тайным, невысказанным желанием, чтоб Эдди явился *именно* в эту минуту.

Судьба, видимо, покровительствует ее тонким дипломатическим соображениям; в соседней комнате раздаются поспешные шаги, и быстрый радостный стук предшествует отворенной двери.

Входит Минор-Канон, стараясь казаться серьезным, но каждая черта его розового честного лица так и сияет счастьем в ожидании приготовленного дамам сюрприза. За Септимусом появляется Дэтчери и останавливается на пороге в ожидании формального представления, и сердце Розы сжимается при виде этой незнакомой личности.

Бедная Роза! Как поднимается она на кончики маленьких ножек своих, чтобы взглянуть за спину этого высокого седого джентльмена с таким серьезным лицом; но спина его заграждает плотно, как неуклюжая Китайская стена, всякую попытку насладиться перспективой Небесной Империи; Роза чувствует кого-то, но не видит.

«Милые лэди, вот джентльмен, о котором вы все слышали, но которого мало кто из вас знает, – говорит Криспаркль, представляя Седовласого и стараясь продлить церемонию как можно долее, так как от него не скрываются манёвры Розы. – Мистер Дэтчери, Мисс Бёд, Мисс... Но что с вами, Мисс Бёд?» – продолжает неумолимый Септимус.

Но Роза не слушает его более, так как, забыв весь этикет, она успела, наконец, отдать себе отчет в этом *ком-то*, выглядывающем теперь из-за спины Дэтчери. Устремив глаза друг на друга, неподвижные и почти бездыханные, Роза и Эдвин забыли всех окружающих. В этом безмолвном долгом взгляде оба прочли то, в чём доселе сомневались, но чего так надеялись... Маленькая Роза первая приходит в себя (маленькие женщины всегда нравственно сильнее больших мужчин) и начинает конфузиться. Румянец заменил бледность, и горячая кровь залила нежное детское личико... Она так была уверена в себе до этой встречи, так... А теперь? Теперь она протягивает к нему руки и с слезами радости на глазах может только прошептать:

«Эдди!»

«Кошечка!»

Схватив её в свои мощные объятия, Эдвин убегает с ней в соседнюю комнату, не обращая ни малейшего внимания на остальное общество; там поместив её в покойное кресло, он... Но не лучше ли читателю обратиться для окончания этого первого свидания к собственному воображению, если читатель молод, и к воспоминаньям, если рука времени тяжело легла на него.

«Аминь», – произносит торжественно Преподобный Криспаркль с комическим подмигиваньем левого глаза на мать, которая немного шокирована подобной выходкой, хотя в своем добром пастушечьем сердечке не может сердиться на молодых людей.

«О, Эдди, – говорит Роза через несколько минут, рыдая от счастья. – Не правда ли, что я всё еще очень, очень глупое маленькое создание?»

«Нет, нет, моя дорогая Кошечка, теперь мы оба поумнели и не станем более ссориться, – поспешно говорит Эдвин, предаваясь еще более юношеским глупостям в виде поцелуев и нежного заглядывания в большие тёмные глаза, которые уж не отворачиваются от него, как бывало во времена посещений его в приемной жрицы приличий, Мисс Туинкельтон. – Роза, – говорит он, улыбаясь, – Кошечка, должен ли я *притворяться* опять, что обручен с другой?»

Но Роза-Кошечка не хочет более притворяться ни сама, ни заставлять его притворяться, она даже забывает о своём старинном предлоге, чтобы не позволять ему поцеловать себя, – и ни разу не *притворяется*, что она «такая липкая» от булки или какого-либо другого сахарного предлога.

Через несколько минут является Преподобный Септимус Криспаркль в виде посланного из гостиной Деус экс Макина (*Deus ex Machina*)⁵, и, отторгая их от уединенной беседы, приводит

---

⁵ «Deus ex machina» (*лат.* «Бог из машины») – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку той или иной ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней фактора.

тотчас же назад к маленькому кружку, собравшемуся у камина, где и приносит обоих беглецов, как живую жертву, на алтарь приличия.

В то самое время как маленькое общество, складывая вместе головы, по старой пословице, чтобы прийти к финальному решению насчет некоторых неприятных, могущих приключиться встреч с Музыкальным Учителем, Мистер Криспаркль вызван из гостиной испуганной служанкой к великому неудовольствию старой лэди, которая ненавидит всякие тайны и перешёптывания. Но не одна Мистрисс Криспаркль осуждена в эту минуту на тревогу. Через две минуты является назад Криспаркль, бледный и видимо чем-то поражённый, и вызывает Эдвина молчаливым жестом, в первый раз в жизни не обращая вниманья на вопрос матери, которая нетерпеливо восклицает:

«Бог мой! Что *еще* случилось такое, Септ?»

Но Септ не отвечает и уводит с таинственной сдержанностью Эдвина, который оглядывается на беспомощно бледнеющую Розу.

В ту самую минуту как является поспешно посланная от имени Минор-Канона служанка попросить гостя пообождать на полчаса возвращения хозяина и Мистера Друда, Криспаркль и Эдвин спешат, молчаливые и растерянные, вслед за вызвавшим их Дёрдльсом.

Дёрдльс ведёт их прямо к дому, в котором лежит связанный Джаспер; несмотря на толстые веревки, крепко затягивающие ему ноги и руки, нашлось необходимым поручить его под присмотр двух сильных мужчин, которые почти сидят на нём в бессильных попытках сдержать бешеного человека. При виде Криспаркля он, по-видимому, утихает и хочет как будто обратиться к нему, но взгляд его падает на входящего за ним Эдвина, и с невероятной силою разорвав верёвки и кидаясь на него с пенящимся ртом, он остановлен в своей безумной попытке лишь подоспевшим на помощь Фопперти. Схватив Джаспера поперек тела, Педлар опрокидывает его навзничь в ту самую минуту, как раздаётся крик ужаса со стороны зрителей и побледневшего Минор-Канона.

«Уйдите скорее, – восклицает дрожащий Криспаркль. – Ради Неба уйдите, Эдвин! Один взгляд на вас удесятерит силы несчастного!»

«Оставьте меня! – рычит отбивающийся лунатик. – Я хочу вырвать душу его и отправиться вместе с нею в Ад! Посмотрите, как он смотрит на меня, глаза его прожигают мне сердце! Прочь! Прочь! Земные черви! Я царь Преисподней!.. Отгоните! Отгоните белое виденье!.. Туманные руки душат меня. О! Поздно!.. Поздно!» – хрипит несчастный, одолеваемый дюжиною сдерживающих его людей.

Лицо, искаженное бешенством, лицо, на котором лежит печать Кары Господней, синее и падает с глухим треском на пол.

«Это слишком ужасно!» – произносит задыхающийся от волнения Эдвин.

«Там, где является Суд Божий, навеки должна лечь преграда к Суду Человеческому! – говорит Криспаркль. – Наше дело кончено, Всевышний рассчитал вас с ним, Эдвин. Пойдёмте!»

«Да сжалится Он над ним и простит его, как я прощаю!» – отвечает благородный юноша.

По совещанию с доктором Минор-Канон отправляет немедленно эстафету к ближайшему Дому Умалишенных в Графстве. Больница эта одна из самых знаменитых, но в ней нет приюта для тихих и безвредных пациентов. Зданье выстроено совершенно в стороне от большой дороги и на приличном расстоянии от всякого другого жилого дома. Иначе один вой, поднимаемый временами адским унисоном бешеных, распространил бы в очень скором времени заразу в слабых мозгах соседей.

Рассчитав, что часа через два должна приехать за больным больничная стража и экипаж, оба возвращаются домой, решив по дороге скрыть до вечера печальное происшествие от дам и от Дэтчери, мысленно добавляет Эдвин, чтобы не испортить Рождественского весёлого обеда.

Они находят обед готовым и всех нетерпеливо ожидающих их. Несмотря на взволновавшую их сцену, оба джентльмена успевают развеселиться в обществе Розы и Мистрисс Криспаркль. Маленькая Роза сияет счастьем, снова сидя возле Эдди прежних дней, а старая лэди бросает довольные взгляды на своего Септа, беседа которого, если не успела совершенно согнать грустную тень воспоминания с лица Елены Ландлесс, зато несомненно вызвала давно угасший блеск огненных черных глаз.

Вскорости после обеда Дэтчери изъявляет желание уйти под смутным предлогом дела, и Эдвин как «рыцарь верный в дружбе и любви» сопутствует ему. Дэтчери угрюм и молчалив, и на

этот раз Эдвин Друд не берётся отговаривать его от кровавой перспективы мщения, желая познакомить его с фактами наедине в комнате холостяка. Так доходят они оба в молчаливой задумчивости до кладбища. Поравнявшись с высокими старыми буками, которые высовывают свои оголенные ветви далёко за решетку, словно костлявые руки ночных призраков, намеревающихся схватить каждого прохожего за шиворот, Дэтчери останавливается и, подняв опущенную голову, поворачивает к Эдвину свое бледное лицо, которое кажется еще бледнее, освещенное холодными лучами зимней луны.

«Эдвин, – говорит он спокойно, но решительно, – я не желаю снова начинать тягостного для себя, как и для вас, разговора. Но, дорогой друг мой, почему не остались вы провести остальную часть вечера в доме у Минор-Канона?»

«Если я в тягость вам, Дэтчери, то расстанемся здесь, хотя, признаюсь, я желал бы сказать вам несколько слов».

«Вы знаете сами, что вы не в тягость мне, Друд, но... всякая дальнейшая попытка с вашей стороны должна быть остановлена мною. Вы понимаете меня, и мне было бы напрасно объяснять вам, что вы только теряете время. Я *должен* остаться один на несколько дней... О, не бойтесь, – продолжает он с грустной улыбкой, – я слишком был радушно принят всеми моими новыми друзьями здесь, чтобы снова тревожить их тяжелыми сценами и происшествиями. Клоистергэм священен для меня, и пока я в нём ни вам, ни *близким* вам нечего бояться за меня. Надеюсь, мы поняли друг друга. Теперь до свиданья, мой дорогой мальчик».

И Седовласый радушно, но решительно протягивает ему руку.

«Дэтчери, – произносит Эдвин, задумчиво вперяя взор в него. – Подарите мне две минуты еще».

«Странная просьба со стороны человека, с которым я провёл целый день», – замечает Седовласый с видимым жестом нетерпенья.

«Когда вы выслушаете меня, – продолжает Эдвин, не обращая внимания на движение товарища, – вы согласитесь сами со мною, насколько я был прав сегодня утром».

«В чем это?» – рассеянно спрашивает Дэтчери, разглядывая сапоги.

«В том, что всегда лучше ожидать суда Божьего, нежели людского и...»

Седовласый, круто повернувшись на каблучках, собирается резко ответить приятелю, но шум быстро катящихся колёс и появление плотно запертой и странной формы кареты заглушает его слова, и он молчит, ожидая более удобной минуты.

Карета, свернув из узкого переулка, заграждает им путь, и оба принуждены придвинуться плотнее к ограде кладбища, чтобы дать ей проехать, но в эту минуту нечеловеческий вой раздаётся из экипажа, и они оба вздрагивают от неожиданности. Дикие крики, за которыми следует, перемежаясь с ними, хохот, более похожий на смех дьявола, нежели на звук [из] горла человеческого, и затем сердитые возгласы двух других голосов – всё это производит на них впечатление скорее фантастического сна, нежели действительности. Внезапно пробужденное сонное эхо старой Башни звучит за ними, как будто все мертвецы Клоистергэмского кладбища затеяли адский хор с гуляющими под луною ведьмами!.. Еще одна секунда, и вся эта как будто заколдованная вереница исчезает из глаз их, увлекаемая быстрым галопом лошадей; крики затихают в отдалении, и от легендарного ночного поезда остается лишь далёкое грохотанье колес да крики перепуганных ворон, перекликающиеся в переполохе из теплых гнезд.

«Что это такое? – осведомляется Дэтчери, широко раскрыв глаза. – Словно все постояльцы Бэдлама⁶ собрались задать ночной концерт Клоистергэму!»

«Вы ближе к истине, нежели полагаете, – отвечает Эдвин торжественно. – Дэтчери, возле вас сейчас проехало мщение ваше – Суд Божий, о котором я вам говорил, свершился!»

«Прошу вас, не говорите загадками, Друд, – замечает резко холостяк. – Мне пора, прощайте!»

«Одно слово – и я кончил. Знаете ли вы, кто проехал теперь в этой карете?»

«Полагаю, что и вам это известно не более моего?»

---

⁶ Бедлам (*англ.* Bedlam, искаженное от Bethlehem, Вифлеем) – психиатрическая больница в Лондоне (с 1547 г.), первоначальное название – госпиталь святой Марии Вифлеемской. Название Бедлам стало синонимом сумасшедшего дома.

«В ней провезли Джона Джаспера! Человека, через которого, – если бы сам Бог не посетил его сегодня поутру Справедливой Карой своей, – вы сделали бы Каином, мой добрый друг!»

Услышав это, сильный человек, давно пожертвовавший жизнью своей, человек, который глядел доселе прямо и хладнокровно в глаза позорной смерти, ожидающей его на виселице, – этот человек зашатался и тяжело опёрся на каменную ограду.

«Вспомните слова ваши, Дэтчери, слова, произнесенные вами два раза в продолжение полусуток, – продолжает Эдвин, – “Если сам Творец только не пошлёт к тому видимой Преграды, Джон Джаспер умрёт от одной руки моей!” Преграда, которую вы так смело вызывали, послана против вас самим Творцом: Джон Джаспер сошёл с ума, безумие его – бешеное исступление, и его увезли теперь связанного по рукам и по ногам в Дом Умалишенных!»

Ниже, всё ниже опускался к земле Седовласый, и вдруг, разом упав на колени, прислонил свою горемычную голову к ограде и – зарыдал, как ребёнок!

«О, моя несчастная, нищая, покинутая мать! – шептал он. – Теперь хоть ты станешь счастливой – у тебя остался сын!»

Через полчаса оба джентльмена сидели в комнате у Дэтчери, и явившийся Фопперти рассказывал им, насколько узнал сам от Бробите и Бетси, о случившемся с Джаспером.

Долго ходил в эту ночь, расставшись с гостями своими, Дэтчери по своей одинокой комнате, и странное, загадочное выраженье не сходило с его сурового лица.

«Так лучше, – думал он, – и сам Бог пёкся о бедной старой матери, в то время как сын ее жертвовал собой, принося и её в очистительную жертву... Завтра надо всё кончить... Узнает ли она меня?.. Бедная, как страдала она. И маленькую Бетси тотчас же навещу. О, если бы хоть её сохранил мне Бог».

Подойдя к таинственному шкафу, Дэтчери по привычке стал в первую минуту сводить счета... Потом разом, схватив щетку, он стал вытирать запись, пока на стене не осталось ни одного знака от меловых черточек...

«Кончено!.. – прошептал он, затворяя шкаф. – Человек предполагает, а Бог – располагает».